

Соло Вей

Жизнь на карантине

Разные взгляды

16+

Соло Вей

Жизнь на карантине

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вей С.

Жизнь на карантине / С. Вей — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга-размышление, книга воспоминаний. Разные взгляды на текущую ситуацию...

Содержание

Суматоха	5
Ян	6
Улица Байрона	7
Взаперти	8
Апрель	10
Уборка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Суматоха

В начале весны из города отправили всех неугодных. Улицы замерли, затаились, а затем... распустились соцветиями, зазеленели листвой и возрадовались: наконец стало меньше граждан, которые не знали, куда идут и зачем...

Через неделю воздух очистился, на центральной улице появились фазаны и даже китайский павлин с желто-синим оперением. Двадцатилетняя проблема с транспортом и загазованностью решилась молниеносно: из области перестали прибывать миллионы машин, которые наводняли магистрали, создавая многокилометровые заторы, загрязняли и без того грязный воздух, занимали платные и бесплатные парковки.

Вовремя, конечно, кто-то пустил слух, что в городе появился опасный маньяк, который нападает на всякого, не щадит ни пожилых, ни зеленых. Вот так и началась вся эта суматоха. Автомобилей становилось все больше, особенно по весне, и они бы заполнили всю небольшую площадь, оставшуюся в распоряжении городских жителей, если бы не это происшествие.

Город закрыли. Несмотря на массовые возмущения и беспорядки на границе. А те, кто остался, радовались ровно полторы недели, пока могли ходить по свободным улицам, в оцепенелой тиши парковых аллей, коей не наблюдалось, наверное, с девяносто первого. По прошествии десяти дней власти решили, что пора прекратить все передвижения. Тут же последовал указ, предписывающий всем гражданам, независимо от возраста и вероисповедания, оставаться дома.

Маньяк крайне опасен, будьте бдительны! – объявления прилепили на каждую дверь, не говоря уже о столбах.

Самым трудным, к всеобщему изумлению, оказалось утихомирить стариков. Они рвались то в магазин, то аптеку, КСК и больницу. До запрета никто и не помышлял никуда бежать. Пенсионеры мирно попивали чай и посматривали сериалы. Но как только вышел пресловутое постановление, людям срочно понадобилось куда-то бежать. Кто-то бросился скупать эфиопский кофе, кто-то запасался картошкой, кому-то понадобился шампунь, непременно с протеинами, а кому-то – соевое молоко. Полиция сутками разворачивала всполошившихся граждан и упрасивала не покидать убежищ.

Меж тем, маньяк не спал. Ежечасно приходили будоражащие новости о его новых жертвах. Маньяк оказался пронизательным и коварным, и никто не мог его отыскать. Он орудовал исподволь: во дворах и подъездах, в супермаркетах и общественном транспорте. Впрочем, от его рук мало кто умирал: маньяк уносил набитые кошельки и растворялся, будто его и не было вовсе.

Постепенно мегаполис зарастал травой и деревьями и превращался в тихий лес: по бетонным стенам разрастался дикий плющ и другие растения. Здания затерялись среди могучих крон. Людей почти не было видно.

Через два года всех выпустили. Город замер, затаился, а потом... задышал буйными побегами. И никто больше никуда не бежал. Все сидели и наблюдали, как пробуждается весна.

А маньяка так и не поймали. Просто однажды кошельки перестали пропадать и о зловредном нарушителе позабыли, переключившись на другие, более приятные дела. Возможно, он до сих пор бродит по городам и областям. А может, улетел в другой мир. Кто знает...

Оставайтесь бдительны, всегда, – на одном обшарпанном столбе забыли сорвать выцветшее предписание...

Ян

Дня три не высывались на улицу. Лил дождь. Малыш Ян грустил. Он любил прыгать по лужам. А тут нельзя. Мама сказала, что как только закончится эта катавасия, они обязательно выйдут. Ян сидел у окна – маленький комочек на сером подоконнике. По стеклу ползли тонкие струйки, как червячки, которые появляются после дождя. За окном серебрились влажные сумерки. Желто-оранжевые огоньки – отсветы от продолговатых фонарей – купались в сверкающей воде. Все равно когда-нибудь дождь кончится, подумал Ян, – и выйдет солнце. Обязательно. По-другому и быть не может.

Улица Байрона

Ежедневно наш путь начинается с вихляющей улочки Байрона (поэтическое название давно ушедших романтических времен. К счастью, не добрались до него вездесущие чиновники, не переименовали в какого-нибудь Баимбетова), вдоль частного сектора, столетних дубов, ярко-желтых кустов, бежевых трехэтажек, живых изгородей и цветочных клумб. Мы доходим до овощного, который расположился на перепутье дорог, берем лук и морковь (для острастки) у продавщицы в резиновых перчатках, туго стянутом на необъятной груди фартуке. Спускаемся по кривой тропинке в овраг, к реке, где блестит металлической спиной старый мост, простирают зеленые руки свежие побеги, поют на разные голоса перелетные птицы. Я вдыхаю чистый воздух, какого не было в нашем городе лет двадцать. А может, и больше. Время останавливается в этом апрельском великолепии: и мы замираем на мосту. Задержись, мгновение! Я хочу остаться в нем навсегда...

Взаперти

Сидеть взаперти я научилась прошлым летом, когда на город навалилась аномальная жара. Я выходила утром, часов в восемь: сковородка только разогревалась, было градусов тридцать – вполне сносно для бесцельной прогулки. Вокруг буйствовала выжженная зелень, белые тротуары прогибались под легкой ступней, высохшие розы клонили скукоженные стебли к ржавым оградам... В этот час коротко стриженные собаки выгуливали утомленных хозяев. Ветер перекачивал по дорогам суховей, машины еще гудели: запоздавшие служащие спешили в прохладные офисы, где властвовали кондиционеры, превращая горячие пласты пыльного воздуха в прохладный, пригодный для дыхания эфир. Я завидовала работягам: дома у меня не было охлаждающего агрегата. Я сидела в декрете и носилась с малышом по раскаленной квартире, притулившейся под старой шиферной крышей и мечтала об обжигающе-холодном коктейле, попиваемом где-нибудь на террасе горной трактории.

В то лето я задумалась о тщетности нашей каждодневной суеты. Невыносимо, да и невозможно было (для исхудавшего организма) куда-то идти или ехать (сказывались пунктирный сон, хаотичное питание, нервное напряжение из-за колик и температуры).

Вот так мы и сидели, всё лето. За три месяца я научилась развлекать себя пустяками, млеть от мелочей, например, от краткой вылазки к близлежащему болоту. А плошка приторного мороженого или холодный кофе с горьким осадком разнообразили избитый сценарий, и даже более того, эдакие выкрутасы казались апогеем сладострастного и неукротимого воображения. Именно они вносили свежий привкус, а вкупе с фруктово-ягодным меню примиряли с адовой жаровней, в которой мы все горели.

А может, сидеть взаперти я научилась еще раньше, когда лишилась работы. Шел 2013 год. Я не ждала ни подвоха, ни разгрома. Скоромная фирма, где я трудилась, работала тихо и прилежно. Держалась на давних клиентах. А потом основательница вздумала уехать. И с ее отъездом из компании будто вытащили все жилы и провода, вырезали почки, а потом и сердце. Умирала компания постепенно и мучительно... Так я перешла на фриланс и засела в темной комнате, перед экраном ноутбука. Старые связи испарились. Днем я работала, а вечера проводила с бокалом кислого вина. Я глядела на галдящую детвору с балкона и думала о том, что выходить совсем необязательно.

Четыре года я провела взаперти. Еду и одежду привозили курьеры, гуляла я ранним утром и ночью, когда улицы отдыхали от бесконечной дневной сутолоки. Я училась наслаждаться простой жизнью: без наполеоновских завоеваний, умопомрачительных достижений...

В один из весенних дней ко мне стал заглядывать местный артист. Мы распевали жизнеутверждающие песни после кислящего вина и его худое плечо, сквозь мутную призму бездарного стекла, казалось мне вполне надежным.

Через год родился наш сынок и пришло то нестерпимое лето... А когда всех заперли, я почему-то ничуть не удивилась, а даже, скорее, воспряла. Мне захотелось, чтобы и остальные познали счастливый покой похожих друг на друга дней...

Но дни-то были разные, стоило лишь пристальнее взглянуться в них. Тогда-то и удавалось смахнуть все наносное и иллюзорное и заполнить пустоты чем-то значимым. Появлялись свежие оттенки и новые краски и посещала радость. Проступало нечто новое. Возрождалось творческое вдохновение, затерянное под напластованием ложных личин, причин, верований...

А может, сидеть взаперти я научилась еще раньше. Когда окончила девятый класс. Конец девяностых – неплохая, в сущности, пора. То лето не было жарким. Ни томительным, ни удручающим. Еще не появилась невнятная безысходность – она начала преследовать меня позднее... Просто дел никаких не нашлось. Отсутствие общения, поездок, занятий привело к тому, что я засела дома, самолично лишив себя права куда-то выходить.

В школьные годы у меня были разрозненные и многообразные увлечения. И я до сих пор не понимаю, почему я не могла придумать себе дела в то пустое лето. Словно в моей короткой, неосмысленной жизни образовалась трещина или яма, которая никак не хотела заполняться. Сколько бы я не лила в нее воды, что бы не пыталась сделать, все оставалось точно таким же, как до моих усилий. Книги не читались, вещи не складывались, ремонт не делался, грядки не пололись.

Так я и болталась все лето. Может, меня готовили к грядущим событиям? Я не знаю... Однако в то лето я научилась обходиться без общения со сверстниками (что казалось самым трудным) и начала тешить себя размышлениями. Углубляться, вникать в философичность и бессмысленность бытия. Ах, лето девяносто девятого! Оно до сих пор стоит передо мной, как вычурный штрих исчезающего столетия, вневременное тире, которое запустило новый виток взрослеющего осознания... С него-то и началось обучение совсем другого уровня...

Апрель

Апрель в этом году вышел теплым. Двадцать пять градусов, почти лето. Иногда температура падает до пяти, идет дождь, но это день-два и снова тепло.

Выходишь на улицу – никого. Воздух прозрачно млеет: ни дымки, ни смога. Город очистился за две недели.

Этот апрель мы запомним надолго. Может быть, навсегда. Каждый выход на улицу – праздник. Зацвели яблони, сливы, вишни. Парад ароматов. Фантасмагория весны. И не верится, что это всё происходит сейчас, в тихом городе, в двадцать первом веке. Ни людей, ни машин.

А ведь каждый год цветут деревья, пробивается трава, прилетают скворцы. А мы ничего не замечали. В бесконечной круговерти: пробки, работа, обязанности, кредиты. Все это заедало. Замыливало взгляд.

На этот раз: ни гонки, ни спешки. Созерцай весну: она идет. Захватывает все новые площади, территории.

Хотя бы выйти на часок – уже радость. Погреться на весеннем солнышке. Подышать, прислушаться. Нет шумного людского роя. Все закрыто. Предоставлены сами себе: наслаждайтесь.

Да, такой апрель не повторится! Он единственный – пряный, жгучий, солнечный, дождливый, ароматный, переливчатый и... сумасшедший.

Когда еще мы сможем побыть в тишине? Без работы? И важных дел? Когда сможем поиграться с детьми? Заняться тем, что нравится? Выспаться? Влюбиться?

Уборка

Генеральная уборка всегда давалась мне с невероятными мучениями. Может, потому, что я не стремилась наводить порядок в своей жизни.

У меня много нерешенных вопросов. Они ждут своей очереди, как и мешки с поношенной одеждой, которые пылятся в углах и под кроватью. Мне больно глядеть на них, но я не могу избавиться от столетнего хлама решительно и быстро. Я раздумываю, а меж тем время проносится, и я, как пассажир поезда, лишь наблюдаю за мельтешением своей нелепой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.